

РОМАН БАТИШЕВ

ДОМ КОВЕНАНТОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Батишев
Дом Ковенантов

«Автор»

2026

Батишев Р.

Дом Ковенантов / Р. Батишев — «Автор», 2026

Остров Ковенантов — плодородная земля, где власть принадлежит домам господ, и над всеми возвышается Дом основателей — Ковенанты. Эта книга — три истории о троих наследниках, чьи пути расходятся, чтобы однажды вновь сойтись. Сначала Виктор прибывает в деревню Большой Двор, куда по ночам тянется нежить, и вынужден выбрать между холодной привилегией и кровью на земле. Затем Мария берётся помочь госпоже другого Дома, чьё поместье разъедает призрак, сводящий хозяйку с ума, — чтобы изгнать тень, ей придётся распутать тайны, к которым лучше не прикасаться. Наконец, Артур выследит чудовище, терроризирующее глухую деревню, и узнает цену охоты, когда добычей может оказаться душа. Три мистические дороги — об ответственности, страхе и чести рода — сходятся в эпилоге, где Виктор, Мария и Артур возвращаются под крыши родового дома, неся ответы, раны и новые вопросы.

© Батишев Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Глава 1. Виктор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Роман Батишев

Дом Ковенантов

Часть 1. Глава 1. Виктор

В холодный осенний день — слишком холодный для ранней поры, — когда небо затянуло тучами, и день казался глубоким вечером, а туман сгустился так, что и на треть версты ничего не было видать даже в чистом поле, люди из деревни Большой Двор ждали важного гостя. Ждали истово: его визит сулил защиту от существ тёмных и тварей ночных. Только ждали его ещё днём ранее — чтобы он остановил то, что уже случилось этой ночью. Теперь, когда жители хоронят тех, кто ночь не пережил, а земля в Большом Дворе пропитана кровью убитых и слезами скорбящих, — для одних визит гостя будет злой шуткой судьбы; другие же всё ещё готовы просить его помощи, чтобы больше зла в деревне не случилось. Оттого и ждут.

Гость — хоть и важный — а встретить его как полагается времени не было: убитых — хоронить, разбитое — чинить, а гнилых мертвецов, что ночью повылазили из могил, — обратно уложить.

Так и вышло: гостя ожидали, но встретить не выходили. Лишь двое пьяниц, что чудом пережили ещё одну ночь и никого из близких не имели — чтобы терять и хоронить, — сидели вдвоём на сухой, умирающей траве, облокотившись на дерево с разных сторон у самой дороги, на окраине деревни.

— Чего сидим-то? — спросил первый у второго.

— Ну, так ждём! Встречаем! Важного человека встречаем, — ответил второй. — Виктора как его там? Фамилия дурацкая. Ни о ремесле не говорит, ни кто отцом был, значит, и смысла не имеет!

— То ли дело твоя-то, да? — продолжил первый. — Сразу и понятно, что отец твой жил нищим, умер нищим и тебя оставил нищим. Хоть ты нищebroдов бесполезных не наплодил — и на том спасибо! Так и помрёшь одинокий, в обоссанных портках; зато фамилия всем скажет, что отец у тебя ремесленником был. Тут-то смысла — много!

— А ты отца моего не трогай, — громко, но без злобы ответил второй. — Он хоть и жил бедняком, — мужик сделал глоток мутного алкоголя из бутылки, — но помер человеком добрым!

— Так пошёл бы и проверил, не валяются ли где на улице добрые кости отца-то твоего. Повылазили всякие ночью. Говорят, Тамара сединой покрылась, увидев сыночка своего, которого пару лет назад схоронила. Пришёл домой — такой же маленький, только сгнивший до костей, — пытался «матушка» хрипеть. Дверь она ему, конечно, не открыла, но в окно увидала — и постарела на месте.

— Вот дела! Который раз мертвяки к нам приходят? Уже третий с конца лета? Чего ж сын её только сейчас пришёл?

— А я, блядь, как-то не додумался спросить у него, знаешь ли! С тобой же сидел в погребке под таверной! Маленький же, может, шёл долго. От старого кладбища до деревни через лес идти надо. В одну ночь вылез — с рассветом упал с остальными. В другую чёртову ночь дальше прошёл, а к третьей — и до дома добрался. Думаю так. Ну-ка дай сюда бутылку!

— Страшно это, ничего не скажешь, — второй, передавая бутылку, ответил первому. — Если бы я отца так встретил ночью — на месте бы и кончился. Только отец мой не с этих мест: приехал он сюда с материка, а там, откуда он родом, обычаи другие. Не хоронили мы его, а огню предали — потому и бояться не приходится. А если б и не сожгли, всё равно не пошёл бы туда, пока там всё не разгребут! Я человек мыслящий. Мне не каждая работа по душе.

— А есть какая — по душе?

— Не знаю такой! Оттого и пью, — пьяница вырвал бутылку у другого и сделал ещё глоток.

— Эх, помню, батька мне говорил, что прежде, ещё до того как я из мамки вылез, были здесь земли плодородные, благородные — и не водилось всякой нечисти.

— Так земли-то и ныне плодородные. Одни наши виноградники какой урожай дают! Самим хватает и, говорят, с острова вывозят — в города на материк. А остров-то наш большой: я за жизнь весь не осмотрю — и мало кто осмотрит. Сколько же всего мы делаем, растим по острову?

— Ой, дурак! Ты вообще ничего не делаешь, а за других не говори! Знаю я, сколько всего кораблями уходит — знаю. Да и местные все в достатке. На нас посмотри: делать — ничего не делаем, а пить — пьём, и вроде голодными не ходим. Спим где попало — но сами так решили, сами выбор сделали. Полно тут всего. Земли — хорошие.

— А я всё одно — хочу дойти до порта, забраться украдкой на какой-нибудь корабль и уплыть на материк. Там, слышал, люди умные: в городах живут, науки знают и нечисти не бродят — боятся городов.

— Ну, дурак! А чего сидишь-то, весь в грязи, с бутылкой? Ну и шёл бы! К зиме до портов пешком добрался бы! Глядишь, по пути договорился бы с кем — урожаи же возят туда, и тебя бы отвезли: один хрен выглядишь как мешок картошки! Нет, дружище, нельзя бежать из дома, когда беда случилась. Нужно защищать своё место — а то как его своим считать?

Услышав это, второй даже подавился мутным алкоголем, и, прокашлявшись сквозь смех, заговорил:

— Слушай ты, дружище! Не ты ли со мной прятался-то до рассвета в погребе, а? Защитник хуев!

Оба расхохотались.

Тучи сгущались всё сильнее; вокруг темнело. Пришёл прохладный ветер и поднялся выше, раскачивая кроны деревьев. Значит, скоро прольётся дождь — не слабый и надолго. Собрались мужики крышу искать, да засомневались: надо ведь сперва дожждаться, когда остальные по домам разбегутся, а то к делам припакуют. Спорили ещё, как вдруг из тумана показалась фигура всадника.

— Тихо, тихо ты, — зашипел второй, затыкая первого. — Гляди-ка: е-е-едет, сука

— Кто едет? Ковенант? — первый воспрянул и стал вглядываться в приближающегося всадника.

— Ну а кто ж, блядь? Виктор, сука, Ковенант! Кто ещё в светлых одеждах да на вороном коне в такую дыру зайвится? Только кто-нибудь из Ковенантов!

— Ты никак завидуешь, бестолочь? Не одежды у него, а доспехи! А белая — только накидка. Это ж их герб — чёрная роза на белом полотне!

— Знаю я, что герб! На всём острове домов с гербами не так много — каждый знаю. Давай так: дождёмся его, будто встречаем, приведём в деревню и скажем, мол, вот, привели вам спасение от напасти. Может, от нас гнев и отведут, да пожрать предложат и где укрыться дадут.

— Не знал бы тебя — подумал бы, что чёрт человеком прикидывается и говорит моими мыслями, — пьяницы рассмеялись, затем отряхнули друг друга, тщетно попытались привести одежду в подобающий вид, сложили руки за спиной и стали ждать.

Приближаясь к деревне, конь всадника сбавил ход. Когда он поравнялся с пьяницами, наездник даже не повернул головы в их сторону.

— Доброго дня, господин! — крикнул один.

Всадник не обратил внимания. Пьяницы переглянулись; один пожал плечами: мол, всё идёт не по плану. Тот, что поздоровался, решился действовать: толкнул приятеля в плечо, и вместе они трусцой потянулись следом.

— Господин Ковенант, позвольте, мы проводим вас в деревню, да отведём к старейшине, — заговорил второй, более предприимчивый. Первый следовал молча и несколько боязливо.

— Я не нуждаюсь в сопровождении, — резко ответил всадник.

— Так позвольте хоть сумки взять: конь ваш — красавец — поди устал с дальней дороги?

— Моя лошадь как-нибудь выдержит ещё полверсты, а я не хочу, чтобы мои вещи провонялись этим... что вы там пьёте?

— Господин, мы... — Всадник вдруг осадил лошадь, повернул голову влево — к говорившему, всё ещё не глядя на первого, что бежал справа. Он окинул мужика взглядом сверху вниз, снизу вверх и спокойным, немного хриплым голосом, не выражая никаких эмоций, в том числе и отвращения, о котором уже сообщил, сказал: — Прошу вас, не разговаривайте со мной, а уж тем более не следуйте так настырно. Скажу больше: остановитесь и дайте мне фору, чтобы я оторвался от вас.

Он потянулся к поясу, снял небольшой кожаный мешочек и вынул две монеты.

— Дам вам по серебрянику — в качестве жеста доброй воли, — он бросил монету тому, с кем говорил, и, не оборачиваясь, швырнул вторую другому. — Но более на милость не рассчитывайте.

Всадник откинул белую накидку: под ней виднелись доспехи, отделанные чёрной кожей. Показывал он, впрочем, не их, а длинный кинжал в ножнах на поясе.

— Спасибо, спасибо, господин, — запричитали пьяницы, как и было велено — остановившись и дожидаясь, когда всадник оторвётся на приличное расстояние.

— Ну и сука этот Виктор как его там! — со злобой произнёс первый, убедившись, что всадник достаточно далеко. — Фамилия-то дурацкая какая.

— А я говорил! Сволочи они зажиточные: весь остров пашет на них, а они разъезжают по нему в белых тряпках! Видал кошель-то его? Сколько же серебра носит! Так и будет по деревне его раскидывать, девок наших покупать, поить и портить.

— Да не будет! Попротивится. Девок ты наших видел? Сколько из них ещё девки — можно подумать. Да и слышал я, что он выродок.

— Все они выродки, скажу так! Работы не знают — только и могут кошельком трясти да сталью угрожать. Правда, выродок или нет — а пить за его счёт мы будем долго!

Приближаясь к деревне, Виктор ожидал, что кто-то на башне у частокола, высотой не больше сажени, объявит о визите господина Ковенанта в Большой Двор. Но на той башне никого не было, а вторая, по правую сторону от ворот, и вовсе оказалась сгоревшей. Он знал: опоздал. Что-то здесь уже случилось.

Ворота были приоткрыты ровно настолько, чтобы через них проехала повозка. Виктор спешился, взял лошадь под уздцы и медленно вошёл в Большой Двор, прислушиваясь к стонам и причитаниям. Плакали местные — по тем, кто эту ночь не пережил. Озираясь по сторонам, Ковенант видел: одни рыдают у бездыханных тел на земле; пара других несёт чей-то труп в телегу — и так уже гружённую покойниками, как мешками, сваленными один на другой. Часть этих людей были бы живы, приедь Виктор вовремя, — и он это прекрасно понимал.

Пройдя от ворот вглубь деревни, Виктор остановился, не отпуская поводья. Он ждал, когда на него, наконец, обратят внимание, отложат дела и поприветствуют — как положено.

Люди поднимали к нему взгляд, обнажая залитые слезами лица, перепачканные грязью и кровью. Постепенно они стали стягиваться в толпу напротив Ковенанта, отряхивая колени и рубахи, тщетно пытаясь придать себе подобающий вид. Виктор слышал, как некоторые перешёптывались и тихо роптали:

— Приехал-таки. Изволил, сука.

Ему было безразлично, что шепчет простой люд: он привык к недовольству — не высказанному в лицо, но произнесённому вслед. Главное — как обращаются официально, как выказывают почести господину. Театр, но так положено. Толпа молча смотрела, шмыгая носами;

очевидно, никто не знал, что делать дальше — или просто боялись. Тогда Виктор, и без того недовольный встречей, взял инициативу:

— Я Виктор Ковенант из дома Ковенантов, семьи-основателей и первых господ Острова Ковенантов, — произнёс он громко, чётко, с аристократическим выговором.

В ответ — тишина.

— Я прибыл по просьбе Елизаветы Дельмарк, землевладелицы и госпожи вашего поселения Большой Двор. С кем мне говорить?

Мгновение безмолвия — и из толпы раздался низкий мужской голос:

— Со старейшиной нашим поговори. Вон он, лежит — в телеге. Не дождался малость, уж простите его, господин! А коли не простите, то, боюсь, ему и по хуй оно — прощение ваше, — с издёвкой закончил незнакомец.

— Выйди, — отрезал Виктор.

Не сразу, но из толпы вышел высокий, крепкий мужик с длинными рыжими волосами и бородой. Грязно-жёлтая, местами окровавленная рубаха едва сдерживала большой живот; верёвка на поясе служила скорее украшением, чем нуждой.

— С кем я изволю говорить? — по правилам этикета, явно чуждого собеседнику, поинтересовался Ковенант.

— Даниил. Из семьи кузнеца, основателя кузни местной, и продолжатель дела отца, — с иронией ответил мужик, стараясь соответствовать манере Ковенанта.

— Прошу проводить меня в поместье госпожи Дельмарк, Даниил, — чтобы я мог расположиться и заняться вашей напастью.

— Так напасть уже случилась, господин. Мы вот её последствиями занимаемся — присоединяйся! Или сразу вон поди, поскольку господа нас бросили, — и ты не отличаешься.

Виктора удивила и даже впечатлила такая дерзость. С ним пререкались и раньше, но после того как узнавали, что он — Ковенант, — ни разу. Он не считал себя сильно лучше простого люда, но положение своё понимал и часто им пользовался. Стоило лишь назвать фамилию — или продемонстрировать герб в виде чёрной розы на доспехах, слева на груди, обычно закрытый накидкой, — как любой небрежный взгляд превращался во взгляд, полный страха.

Ковенантов уважали на острове, без сомнений. Но где проходит грань между уважением и страхом? Виктор не знал. Он не знал, приятна ли другим семьям его компания — или они просто лизут ему зад. А простой люд? Видят ли в Доме Ковенантов наследие и надежду — или лишь боятся: боятся неосторожного взгляда, неловкого слова. Эти кривые поклоны, больные улыбки, нелепые потуги соответствовать аристократии — всё это не по-настоящему.

Он ненавидел такой порядок, но смирился: его фамилия стоит впереди него самого — значит, из этого можно извлечь пользу: от бесплатной выпивки до любых плотских утех. Однажды он так напился в деревушке, что сжёг местный храм Церкви Троиц. Такого святотатства никто бы не позволил — и сам Виктор осудил бы, будь хоть на толику трезвее. Но тогда что-то в том месте показалось ему нестерпимым: захотелось расшевелить местных, сделать то, что никто бы не стерпел — и, может, кто-нибудь наконец заговорил бы с ним по-человечески. Но они стерпели. Протрезвев, он раскаялся — всё-таки церковь основана его матерью. И понял: на острове, да и за его пределами, власть господ, а особенно Ковенантов, над простыми людьми — почти божественна.

А где есть боги — там есть и богохульники. Такой наглости от кузнеца Виктор не ожидал, но был приятно удивлён и едва сдержал кривую улыбку. Мысли мелькали: ударить кулаком? Обнажить короткий меч и полоснуть по горлу? Нет — борода прикроет, лезвию помешает. Живот — лёгкая мишень.

Нужно было что-то сделать, проучить: иначе решат, что с господами позволено так дерзить. С глазу на глаз можно было бы и договориться — даже пива выпить. Но на публике людям нужны зрелища.

Ковенант ударил мужика правой в лицо. Удар был прямой и быстрый; кузнец мог бы среагировать, но по какой-то причине не стал. Даниил запрокинул голову и рухнул навзничь, а кровь из носа брызнула дугой, следуя за падающим телом. Толпа ахнула. Виктор шагнул вперёд и протянул руку:

— Я казнил людей и за меньшее, кузнец. Но сегодня крови пролито достаточно. Я настаиваю, чтобы ты и все остальные посодествовали моей помощи, а не препятствовали ей.

Даниил прижал ладонь к носу, останавливая кровь. Глянул исподлобья, выслушал — но руки не принял: отмахнулся, поднялся сам, высморкался; густая кровь стекала по губам и бороде.

— Опоздал ты, Ковенант. Слов твоих острых и меча короткого я уж не боюсь. Видел вещи пострашнее, — почти шёпотом сказал кузнец.

Между ними вдруг возник юноша лет четырнадцати, со светлыми, небрежно подрезанными волосами. Встал спиной к Даниилу, лицом к Виктору, боязно заглянул в глаза гостя:

— Вы простите его, господин, — промямлил он. — Совсем от горя обезумел!

Виктор взглянул на юношу и молча кивнул Даниилу. Тот махнул рукой и направился к таверне — судя по столам, видневшимся в окнах.

— Меня Йозеф звать, господин! Я провожу вас в поместье Дельмарк. Я там конюхом работал — всё знаю и покажу!

— Спасибо, Йозеф, — сказал Виктор, взял поводья и последовал за юношей — под косые взгляды и новый шёпот толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.